

ПОДЛИННОЕ ПРИСУТСТВИЕ

Запись выступления Хулиана Каррона на встрече ответственных «Общения и освобождения» в Италии Паченго ди Лацизе (Верона), 27 февраля 2016 г.

Без всякого сомнения, мы живем в период грандиозных изменений, и ориентироваться в нынешнем культурном контексте становится все сложнее. На наших глазах происходит кардинальный переворот, для понимания которого требуются терпение и время, и потому не стоит думать, что мы можем разрешить проблемы в одних только дискуссиях. Настоящий текст является попыткой способствовать пути каждого из нас и диалогу между нами.

Две недели назад я встречался с группой священников, работающих на севере Италии, и один из них сказал, что мы переживаем «по-настоящему воодушевляющий момент». Думаю, так оно и есть, поскольку, как говорил Джуссани, если Тайна не избавляет нас от каких-то обстоятельств, значит, они даны для нашего взросления. Пусть сейчас мы еще не знаем, как они помогут нам повзрослеть, пусть мы находимся в некотором замешательстве, тем не менее мы уверены, что ситуация, сложившаяся вокруг споров об этических и антропологических вызовах, которые множатся благодаря «новым правам» и обрастают вопросами и напряженными диалогами, в каких и нам довелось поучаствовать, – вся эта ситуация представляет собой бесценную возможность. Действительно, лишь когда реальность провоцирует нас, становится ясно (в первую очередь нам, а не кому-то еще), что нам дороже всего, в чем наша надежда. И чем острее вызов, тем понятней, с каких позиций мы подходим к жизни.

Итак, сложившиеся обстоятельства помогают нашему взрослению, но это не случается само собой. Следовательно, нужно предпринять усилия, чтобы понять их, нужно принять вызов. Ситуация затронула всех, и каждый из нас может вспомнить, как повел себя, какой была его реакция (потому что все мы так или иначе отреагировали), какую точку зрения он защищал и что открыл. Каждый должен совершить определенную проверку, ведь, если нам в голову приходят некоторые мысли, они совсем не обязательно правильные. Я первый пытаюсь не забывать об этом. Сколько раз жизнь доказывала, что наши мысли далеко не такие разумные, как мы предполагали. И поэтому крайне необходимо успокоиться и создать условия для по-настоящему конструктивного диалога.

УРОКИ ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМОГО ГОДА: КАК СООТНОСЯТСЯ СОБЫТИЕ И ТРАДИЦИЯ

На какие ресурсы, на какое богатство мы можем опереться, чтобы принять этот новый вызов, брошенный настоящим? На нашу историю. Часто нам кажется, будто мы ее уже знаем, будто нам все о ней известно, или помним из нее только отдельные моменты – каждый свои. Однако как раз благодаря актуальным вызовам мы и можем открыть для себя те ее аспекты, у которых нам, вероятно, есть еще чему поучиться.

Почему отец Джуссани начал Движение? В амброзианской Церкви совершенно точно не было проблем с богословской ясностью или донесением догматов до верующих. И все же он осознавал, что этого недостаточно. Ему это стало понятно уже с первых шагов в Милане и потом в лице Берше: его окружали ученики, которые, хотя и происходили из христианских семей, уже больше не интересовались верой. Это открытие стояло у истоков его деятельности. Движение стало его ответом на такое положение вещей, попыткой найти способ сообщения христианской веры, который преодолел бы то безразличие к ней, с каким отец Джуссани столкнулся на первой же лекции (сам он научился этому способу в семинарии). Я сейчас говорю о середине пятидесятых годов.

В последующей истории есть один момент, ставший для Джуссани поворотным, – шестьдесят восьмой год. Летом того года на упражнениях *Memores Domini* он утверждал: «Мне кажется, одним из знаков времени является тот факт, что уже не разговоры о традиции и не [христианская] история лежат или могут лежать в основе призыва и присоединения к христианскому событию. <...> Необходимо в корне пересмотреть все, о чем мы неизменно говорили на протяжении десяти последних лет и что до сих пор повторяем». Думаю, нам еще только предстоит понять всю важность его замечания. Волна, нахлынувшая в шестьдесят восьмом, позволила отцу Джуссани ясно осознать: «Причиной присоединения к христианству не может являться ни традиция, ни теория, ни определенные воззрения, ни теорезис, ни христианская философия, ни христианское богословие, ни свойственное христианству мировосприятие». Обращаясь к Евангелию, он говорил: «[За Христом следовали] не из-за речей, которые Он вел, не из-за разъяснений, которые давал, не из-за отсылок к Ветхому Завету, <...> а только потому, что Он был присутствием, заключавшим в себе послание». «Послание не разговоры: это присутствие, это личность. Это присутствие личности». Для большей ясности сказанного Джуссани добавлял: «Достаточно просто заметить, как благодаря вести вновь обретается и традиция <...>. Вспомните двоих учеников на дороге в Эммаус, одну из самых прекрасных страниц Евангелия: “Пока странный путник изъяснял нам пророков, наше сердце оживало”. Следовательно, христианская весть действительно сообщается через речь, через разговор, однако она “связана с присутствием личности”. Содержание христианской вести совпадало с личностью Самого Христа» (A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Milano: Bur, 2014. P. 404–405). Не будь это так, никого из нас, вполне вероятно, не оказалось бы здесь сегодня.

Так что же такое христианство? «То, что превращает традицию, нечто прошедшее, в живую реальность, то, что оживляет мысль, идею и ценности. Но чтобы жить, оно должно существовать в настоящий момент! [Значит] с точки зрения метода, нам ничего не остается, как вернуться к истокам, к возникновению, к началу [христианства]». «“Оно было событием. Христианство – это событие”, скрепляющее прошлое с настоящим. Какого рода событие? “Христу верили не потому, что Он говорил определенные вещи, Ему верили не потому, что Он творил чудеса, Ему верили не потому, что Он цитировал пророков, Ему верили не потому, что Он воскрешал мертвых. Сколько людей (подавляющее большинство) слышало, как Он говорил, какие слова произносил, видело, как Он творил чудеса, но для них событие не произошло”». Тут отец Джуссани задается вопросом о том, почему поверили первые ученики Иисуса: «“Они поверили из-за присутствия. <...> Из-за присутствия с очень конкретным лицом, из-за присутствия говорящего, то есть несущего в себе некое предложение, смысл”. Не всякий человек и не всякая реальность представляют собой присутствие, продолжает Джуссани; присутствие является таковым «только когда в нем есть нечто неожиданное и непредвиденное, некая радикальная новизна в отношении с самим собой» <...>. В самом деле, “христианство родилось как весть, как опыт ни к чему не сводимой новизны”» (*Ibidem*. P. 407–408)

Попробуем представить себя на месте Джуссани: он мог сделать вид, что в шестьдесят восьмом году ничего не случилось, и продолжать свой путь как ни в чем не бывало. Однако он этого не сделал. Почему? Потому что для него, как мы всегда говорили, обстоятельства являются сущностным фактором призвания: обстоятельства, в которых человек перед лицом всего мира занимает определенную позицию, «важны для определения свидетельства» (L. Giussani. *L'uomo e il suo destino*. Milano: Marietti 1820, 1999. P. 63). Джуссани внял призыву к обращению, исходившему от реальности, и был готов поставить под вопрос то, что говорил раньше, и не держаться за прошлое. Так он поступал с самого начала. Чтобы сообщить людям новизну христианства, Джуссани настаивал на некоторых вещах, не вписывавшихся в привычный для амброзианской Церкви способ передачи веры: взять, к примеру, подчеркивание роли опыта, то есть необходимости проверки веры, или общие собрания для юношей и девушек. Чем больше Джуссани

прилеплялся к сути, тем свободнее становился в отношении формы. Так он смог свидетельствовать нам о том, о чем напомнил и папа Франциск 7 марта 2015 года в Риме: «Христианство никогда не реализуется в истории через некие незыблемые позиции, которые необходимо защищать и которые предстают как чистое противопоставление всему новому; христианство есть начало искупления, вбирающее в себя новое, чтобы спасти его» (L. Giussani. *Porta la speranza*. Genova: Marietti 1820, 1997. P. 119).

Вот почему я считаю крайне важными обстоятельства, в которых мы оказались и которые до сих пор переживаем: произошедшее играет существенную роль в определении нашего свидетельства. Переполюс вокруг проблемы гражданских союзов возник потому, что каждый из нас попытался определить, в чем же должно в настоящий момент заключаться наше свидетельство. Именно об этом шли споры, доходившие порой до стычек. Мы просто не сможем двинуться вперед, не прояснив до конца этот момент.

Первым делом, на мой взгляд, нужно разобраться с тем, что такое суждение, поскольку нередко для нас вынести суждение означает примкнуть к какой-либо стороне. Однако Евангелие неоднократно свидетельствует нам о том, что Иисус смотрит на это иначе. Вспомним эпизод с подаью кесарю: фарисеи и старейшины хотели, чтобы Он принял ту или другую сторону – тогда им удалось бы загнать Его в угол. Иисус же дает суждение, которое не удовлетворяет тех, кто надеется заставить Его выбрать одну из двух полярных возможностей: либо коллаборационизм с римскими властями (если подать кесарю нужно платить), либо сопротивление Риму (если платить ее не нужно). Иисус не склоняется ни к первой, ни ко второй позиции: «Итак, отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Лк. 20, 25). В этом эпизоде Иисус судил об отношении между политикой и религией, и Его загадочный ответ лег в основу абсолютно нового понимания роли власти в жизни общества, утвердившегося на последующие двадцать столетий. Христос приводит Своих собеседников в замешательство, и когда затрагивает другие базовые измерения человеческого опыта. Так, говоря о браке, то есть о реализации привязанности, или предостерегая богачей и напоминая о необходимости правильно использовать материальные блага, Он ошеломляет не только противников. Его предложение превосходит меру понимания и для Его учеников, которые практически теряют терпение. Так, в ответ на слова Иисуса о нерасторжимости брака, они восклицают: «Если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться» (Мф. 19, 10). В другой раз, услышав от Иисуса, что «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие <...> ученики Его весьма изумились и сказали: так кто же может спастись?» (Мф. 19, 24–25). Никто не станет отрицать, что Иисус выносит суждение, доходя до самой сути вопроса, хотя Его слова и не соответствуют ожиданиям Его собеседников. Об этом свидетельствует замешательство последних. Чтобы ответить на чувство несоизмерности, вызываемое в людях Его предложением, Иисус разыгрывает карту, благодаря которой Его присутствие становится подлинным, самобытным на фоне всех остальных, неполноценных и пристрастных точек зрения, характерных как для Его противников, так и для учеников: «Человекам это невозможно, Богу же все возможно» (Мф. 19, 26). В результате окружающим открывается Его самосознание, Его идентичность. Подобные факты мы могли бы перечислять хоть до завтра!

Таким образом, можно выносить суждения по существу, не требующие от нас вставать на какую-либо сторону и сводить проблему лишь к одной из многих позиций. В случае с гражданскими союзами главное суждение отсылало к тайне человека, рассматриваемого в его цельности, к тайне, которая выражается в бесконечном ожидании сердца. Именно поэтому человек не находит покоя и никогда не сможет удовлетвориться частичным ответом на свое желание. Только вынося полноценное суждение, мы дойдем и до сути законов и сможем утверждать, что, даже принятые в той или иной форме, они никогда не ответят на бесконечное человеческое желание.

Происходившее заставило всех нас про себя или вслух вынести суждение, и оно проявлялось в том, как мы действовали, как пытались отвечать. Выписывая определенное

лекарство, врач дает понять, какой поставлен диагноз. Так же и каждый из нас мог заметить, как он судил о человеческой драме, скрывающейся за законопроектом Моники Чиринна. Я вынес мое суждение о человеке и его природе, и именно в силу этого суждения единственный ответ для меня – во Христе. Однако Христос не отвлеченное понятие, Его нужно рассматривать в свете живой встречи, вроде той, что случилась с самьянкой у колодца, той, о которой говорил отец Джуссани, «потому что в обществе, подобном нашему, что-либо новое можно сотворить только с помощью жизни» (*Movimento, “regola” di libertà / A cura di O. Grassi // CL-Litterae communionis. N. 11/1978. P. 44*). Христос не часть решения, Он единственное решение, в которое я верю. Только поняв это, люди перестанут наделять законодательные инициативы сакральным смыслом, и перед ними, в том числе и перед политиками, распахнется пространство встречи и диалога. Я еще вернусь к этому.

ПРИСУТВИЕ, ОСНОВАННОЕ НА РЕАКЦИИ

В истории Движения ярким примером того, о чем мы говорим, является наша реакция на события шестьдесят восьмого года. Отец Джуссани вынес определенное суждение и непрестанно обращал на него наше внимание. Он не примкнул ни к одной из сторон и, кроме того, поставил под вопрос не только марксистскую позицию, но и наши попытки ответа на марксистский вызов. Почему я сопоставляю нынешнее время и шестьдесят восьмой год? Потому, что, как подчеркнул кардинал Скола, «сравнение с сексуальной революцией [которое мы переживаем сегодня] – вызов, вероятно, ничуть не меньше того, что был брошен марксистской революцией» (*A. Scola. Il no ai divorziati resta, ma non è un castigo e sugli omosessuali la Chiesa è stata lenta / A cura di Paolo Rodari // la Repubblica. 12 ottobre 2014. P. 19*). Это два проявления одной и той же проблемы, два способа достичь спасения собственными силами.

Какое суждение вынес отец Джуссани о направлении, в котором устремились наши попытки ответить на вызов шестьдесят восьмого года? По его мнению, мы руководствовались теми же критериями, что и люди, подвергшиеся нашей критике, и мыслили ровно так же, как и все остальные. Говоря так, он, конечно, не приравнивал наши попытки ответа к попыткам марксистов, но в то же время судил и об одних, и о других, видя в них производные той же самой культурной матрицы, поскольку ответ, который Движение давало в шестьдесят восьмом и в начале семидесятых, утверждался на основании, воздвигнутом как раз марксизмом. «Успех встречи в “Палалидо” <...> лег в основу двусмысленности, которая на протяжении некоторого времени не могла не оказывать не вполне положительное влияние на жизнь и развитие Движения. На волне этого успеха <...> действия руководства “Общениа и освобождения” постепенно все больше ориентировались на то, чтобы доказать и актуализировать положительное значение христианского подхода к тематике, поднятой событиями шестьдесят восьмого года. Другими словами, были предприняты усилия, чтобы утвердить особенность христианского факта, но лишь в рамках горизонта, уже намеченного другими» (*L. Giussani. Il movimento di Comunione e Liberazione. 1954–1986. Milano: Bui, 2014. P. 169*).

Отец Джуссани признавал потребность в истине, присутствовавшую в марксизме, ведь даже «марксисты выражали потребности сердца, пусть спутанные, неясные, растроченные в идеологических дискуссиях» (*In cammino. 1992–1998. Milano: Bui, 2014. P. 216*). Распознавая за идеологическими поползновениями истинную потребность, он остро ощущал неполноту нашего предложения. Вот почему если мы не понимаем, в чем же на самом деле состоит потребность, трепещущая во всем, что происходит сегодня, то и наши нынешние попытки, как и тогда, окажутся неполноценными, а наш так называемый ответ – несообразным.

В 1972-м, когда события, о которых идет речь, почти утихли, отец Джуссани, вынося суждение о потрясении шестьдесят восьмого года, утверждал, что была предпринята

попытка преодолеть «растерянность <...> из <...> желания вмешаться, действовать, проявлять активность, <...> бросаться очертя голову в следование за миром» (L. Giussani. *La lunga marcia della maturità. Tracce*. N. 3/2008. P. 62, 64), стремясь, рассчитывая изменить положение вещей собственными силами, точно так же, как и другие. В 1993-м он вновь возвращается к этому суждению: «Мы были охвачены лихорадкой делания, воплощения в жизнь ответов и действий, которые бы показали другим, что, мы поступали лучше их, поскольку отталкивались от христианских принципов. Только так и у нас могла бы появиться родина» (*In cammino. 1992–1998*. Op. cit. P. 219). Мы приняли условия, выдвинутые другими, и это привело к грандиозной мобилизации, но в то же время повлекло и непредвиденные последствия. Какие? Сами того не сознавая, мы совершили «переход от одной матрицы к другой, [от христианства к морализму] <...> умалив и сделав максимально отвлеченными наши слова и тип опыта, в котором мы участвовали». Таким образом мы «урезали, сводили на нет историческое значение христианского факта, <...> “выхолащивая” его, все больше лишая его исторического веса». Часто мы именно так и думаем: христианский факт как таковой незначителен с исторической точки зрения, а значит, нам надлежит мобилизоваться и сделать что-то, чтобы как-то ответить на ту или иную ситуацию. Отец Джуссани описал три последствия подобного подхода. Первое – «“понимание христианского вовлечения с точки зрения его эффективности, с упором на морализм”. И даже больше – с полным сведением к морализму!» Христианство меняет облик, из факта превращается в морализм, в этику. В этом просматривается и умаление человека: тот, кто понял, что человек есть желание бесконечного, уж точно не станет пытаться разрешить его проблемы с помощью этики. Если мы пытаемся дать ответ, основанный на морализме, значит, человек в нашем представлении уже умален. «Второе <...> последствие – неспособность придать нашим словам культурное измерение, вывести собственный христианский опыт на тот уровень, где он стал бы систематичным и критическим суждением и, таким образом, определенным руководством к действию». Это ведет к тому, что не рождается новая, отличная от прежней культура, а лишь предлагается все та же, укорененная в марксистском морализме: «Сейчас приду я и расставлю все по местам». «Третье последствие – теоретическая и практическая недооценка авторитетного опыта» (L. Giussani. *La lunga marcia della maturità // Tracce*. N. 3. 2008. P. 63–64).

Сами скажите, ясно суждение Джуссани или нет: «Во всеобщем смятении <...> [возобладало] безрассудное следование за миром. Наша история, ее ценностное содержание были сведены на нет, по возможности истолкованы в отрыве от жизни, как нечто за рамками, их лишили возможности влиять на исторический процесс, а вместе с тем – и возможности подлинного воплощения». Тут он ссылается на позицию тех, кто участвовал в протестах шестьдесят восьмого года и продвигал их: «Наивно полагать себя “мерой всех вещей”, наивен человек, говорящий: “Сейчас я расставлю все по местам”. <...> Какая тоска! Какая тоска тут же охватила нас, и она становилась все тяжелее с каждым годом» (*Ibidem*. P. 64–65, 61).

Мы тоже действовали и продолжаем действовать наивно, самонадеянно – об этом упомянул и папа Франциск в его речи на конгрессе Церкви в Италии, прошедшем во Флоренции. Говоря о пелагианстве, он подчеркнул: «Оно побуждает Церковь не быть смиренной, бескорыстной и блаженной, и делает это, прикрываясь благими намерениями. Пелагианство ведет к тому, что мы начинаем доверяться структурам, организации, отвлеченным, а потому безупречным программам. Нередко из-за него мы строим наш стиль поведения на контроле, суровости и нормативности. Норма дает пелагианину уверенное чувство превосходства, правоты его действий. В ней, а не в легком веянии Духа, он черпает свои силы» (Франциск. *Обращение к участникам V Национальной встречи Церкви в Италии*. Флоренция, 10 ноября 2015 г.).

Речь идет о неполноценном понимании христианства. «Так, – замечает отец Джуссани, – рождаются “разговоры” о нравственных ценностях, поскольку разговоры о нравственных ценностях предполагают, что спасение от распада происходит за счет силы фантазии и воли человека» (L. Giussani. *E' sempre una grazia // E' se opera. Suppl. 30Giorni. Febbraio, 1994. P. 59*). Это может касаться законов, массовых выступлений или любых других вещей, которые приходят нам в голову. И именно в этом коренным образом и поправлял нас отец Джуссани. Какова же конечная причина позиции, которую он так не одобрял? «Экзистенциальная неуверенность, глубинный страх заставляют принимать за собственную точку опоры, за причину <...> [собственной] состоятельности вещи, имеющие организованный характер или культурное значение» (L. Giussani. *Uomini senza patria. 1982–1983. Milano: Bui, 2008. P. 97*). Поэтому-то мы и говорим, что нужно хоть что-нибудь да сделать.

О чем в приведенных наблюдениях разных лет судит отец Джуссани? О форме коллективного присутствия Движения как таковой – не о тех или иных отдельно взятых случаях. Вот почему споры, разгоревшиеся в последние несколько недель и затронувшие вопрос личного и публичного свидетельства, только отвлекают нас. Настоящая проблема касается содержания свидетельства, будь оно частным или общинным, поскольку подлинное свидетельство всегда публично. Отец Джуссани выносит суждение о конечном содержании нашего присутствия и наших действий, которые свелись к морализму, к продвижению или демонстрации христианских ценностей. Вот почему в 1982 году, обращаясь к студентам, он утверждал, что «Движение “Общение и освобождение”, начиная с 1970 года, словно работало, созидало и боролось, исходя из ценностей, принесенных Христом, тогда как факт Христа для нас, для наших людей и для всех тех, кто строил вместе с нами СЛ, “оставался параллельным”» (*Ibidem. P. 56*).

Джуссани разоблачал определенный тип публичного присутствия – плод господствующего, преобладающего морализма; коллективное присутствие, порожденное «экзистенциальной неуверенностью». Его мы много раз совершенно неправомерно (если учитывать исходный смысл слова) называли присутствием. Отец Джуссани говорит: «До тех пор, пока христианство диалектически и практически поддерживает христианские ценности, ему находится место и открываются двери повсюду. Однако, когда христианин возвещает в рамках человеческой и исторической реальности постоянное присутствие <...> Бога, ставшего Одним из нас, познаваемого на опыте, <...> являющегося активно определяющим фактором, всеохватным горизонтом, главной любовью <...>, [то есть когда христианин провозглашает] присутствие Христа как центр взгляда, восприятия жизни, подхода к ней, смысла любого действия, источник любой человеческой активности, культурной активности человека, [тогда] у такого человека нет родины» (*Ibidem. P. 90*). Это верно и сегодня: если мы сведем христианство к диалектическому утверждению христианских ценностей, у нас появится родина.

ПОДЛИННОЕ ПРИСУТСТВИЕ

Почему отец Джуссани так долго и упорно поправлял нас в наших инициативах? Наше присутствие не может основываться на реакции, мы не можем просто примыкать к той или иной стороне, оно должно стать подлинным, поскольку «реактивное присутствие <...> стремится стать <...> имитацией поведения других людей <...> (это все рано что играть на их территории, соглашаясь на их правила)». Иными словами, игровое поле определяют другие. «Поэтому необходимо *подлинное присутствие*» (L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza. 1975–1978. Milano: Bui, 2006. P. 52*). Оно существенно отличается от выбора сторон, и в то же время не означает отсутствие собственной позиции, потому что подразумевает иную, отличную от остальных позицию – далекую от того, чтобы прятаться в ризницах!

Подлинное суждение, подлинное присутствие несводимы к логике выбора сторон, но, несмотря на это, они проникают до самой сути вопроса, до всех его деталей. На встрече в Риччоне в 1976 году отец Джуссани объяснял, в чем состоит подлинное присутствие: «Присутствие является подлинным, когда оно рождается от осознания собственной идентичности и из привязанности к ней и в этом обретает свою основательность. <...> *Наша идентичность – в том, чтобы уподобляться Христу*» (*Ibidem*. P. 52, 54). Чем объясняется необходимость подлинного присутствия? Она продиктована исторической ситуацией, в которой находится человек и которую Церковь никогда не упускала из виду. В Катехизисе Католической Церкви говорится: «Предписания естественного закона [то есть элементарные очевидности жизни] не всеми воспринимаются ясно и непосредственно. В нынешней ситуации грешному человеку необходимы благодать и Откровение, чтобы моральные и религиозные истины познавались “всеми без затруднений, с твердой уверенностью и без примеси ошибок”» (*Катехизис Католической Церкви*. П. 1960). Сегодня это проявляется более отчетливо, но и вся история Церкви свидетельствует о таком подходе к положению человека в мире. Как мы можем надеяться, что каким-то образом поддержим современного человека в его тяготах, не осознавая всего драматизма его исторически сложившейся ситуации? Если Христос не пробуждает человека, если не оживляет в нем полного сознания о том, кем он является, тот не в силах будет самостоятельно с ясностью и непосредственностью познать элементарные очевидности. Кому, как не нам, понять вышесказанное? Никого из нас тут не было бы, если бы с нами не произошло именно это.

Что же способно ответить на такое положение вещей? Я уже говорил ранее: своим ответом мы демонстрируем, поняли ли до конца, о чем идет речь, поставили ли правильный диагноз. Когда Джуссани настаивает на том, что перед лицом современных вызовов мы можем лишь произнести «Иоанн и Андрей», рассказать о встрече Иоанна и Андрея с Иисусом, говорит ли он нам нечто спиритуалистическое? Его утверждение о том, что «личность вновь обретает себя в живой встрече» (*L'io rinasce in un incontro. 1986–1987*. Milano: Bur, 2010. P. 182), – интимистский ответ на проблему человека? Мы часто так говорим или думаем: «Да, это замечательно и давно нам известно, но теперь давайте-ка дойдем до сути вопроса». Как же можно передать людям ясный взгляд, если не произойдет встреча? Именно во встрече рождается полноценное восприятие самих себя, новое познание и новая творческая сила, охватывающие все сферы личной и общественной жизни.

Хорошо представляя себе историческую ситуацию, отец Джуссани посчитал, что в контексте жизни семидесятых годов референдум о разводах не принес бы особой пользы. Об этом он говорил в интервью с Роби Ронцой: «Мы внимаем призыву монсеньора Бартолетти <...> из послушания церковным властям. Однако со своей стороны <...> “Общение и освобождение” не могло в полной мере согласиться с полезностью такой инициативы в подобных обстоятельствах» (L. Giussani. *Il movimento di Comunione e Liberazione. 1954–1986*. Op. cit. P. 170–171). Его взгляды на брак не изменились, просто, когда человек понимает природу проблемы, он догадывается, что определенные инициативы в определенных обстоятельствах не будут иметь успех. Джуссани не превратился в одночасье в релятивиста или сторонника лаицизма, ставящего под сомнение важность публичной защиты института семьи и уж тем более доктрины Церкви по этому вопросу. Он вынес исторически обусловленное суждение. Раньше других ему удалось разглядеть процессы, протекавшие в обществе. Именно поэтому Джуссани еще в пятидесятые годы создал Движение – как раз чтобы ответить на вызов, признаки которого он начал замечать уже тогда.

Только осознав ситуацию, мы сможем реалистически оценить и нашу задачу в мире. Именно это и означает дойти до сути проблемы: вынести суждение, поставить верный диагноз в конкретных исторических обстоятельствах.

В 1998 году, почти в конце жизни, отец Джуссани снова вернулся к этому. Однажды его спросили: «Почему наше Движение так настаивает на важности “я”, и почему оно

настаивает на нем только теперь?» Он ответил: «У истоков Движения стояла как раз проблема личности!» (*In cammino. 1992–1998. Op. cit. P. 337–338*). Нам же это часто кажется недостаточным, тогда как для Джуссани не было ничего более сообразного: «Действительно, когда нас все сильнее сжимает хватка враждебного общества, так, что посягает на яркость нашего выражения, и когда господство культуры и общества стремится проникнуть в наше сердце, усиливая уже от природы существующую в нем неуверенность, тогда *пришло время личности*». А что есть личность? В чем ее состоятельность? Вот, по большому счету, решающий вопрос. «Первое, что безотлагательно требуется, для того чтобы личность существовала, чтобы человеческий субъект был крепок в ситуации, когда все оторвано от ствола и превращается в сухую листву, – это *самосознание*, это ясное и любящее восприятие самих себя, исполненное сознания своей судьбы и таким образом способное на истинную привязанность к себе, освобожденную от инстинктивной тупости самолюбия. Если мы теряем эту идентичность, ничто не идет нам на пользу» (*È venuto il tempo della persona / A cura di L. Cioni // Litterae Communionis CL. N. 1/1977. P. 11–12*). Всем нам хорошо известно, что мы живем в обществе, пронизанном плюрализмом до мозга костей, и именно поэтому единственной преградой власти является «я», наделенное таким самосознанием, которое позволяет ему жить в подобных обстоятельствах и не прельщаться сладким голосом сирен власти.

Как говорит папа Франциск, мы «воспитаны пастырской практикой <...> в которой Церковь являлась единственным гарантом культуры. <...> Таково наше наследие <...>. Однако <...> та эпоха завершилась [нравится нам это или нет]. Мы больше не живем в христианской среде. На сегодняшний день мы не единственные производим культуру, мы не в первых рядах, и нас слушают не больше, чем остальных. Поэтому нам необходимо изменить пастырский менталитет, <...> ведь мужчины, женщины, семьи, группы, населяющие наши города, ожидают от нас Благоую Весть – Иисуса и Его Евангелие, которая нужна им, чтобы жить. (Франциск. *Обращение к участникам Международного конгресса о пастырстве в больших городах*. 27 ноября 2014 г., п. 1). Поступать так – значит не впадать в релятивизм, а признавать, что ситуация изменилась.

От чего зависит понимание современных людей? Только от того, свидетельствуем ли мы убедительным образом о вере на личном и общинном уровне, как говорил кардинал Ратцингер в 2003 году: «Речь идет о людях, обо всем мире. Ни людей, ни мир явно не спасти, если мы не сможем убедительным образом показать им Бога. Никто не может похвастаться, что ему известен путь, уводящий от этой беды. Такое невозможно уже потому, что в свободном обществе истина не знает и не должна знать других способов своего утверждения, как единственно через силу убеждения. А убеждение при множестве воздействий и требований, гнетущих человека, дается трудно» (Й. Ратцингер. *Вера, истина, толерантность*. М.: ББИ, 2007. С. 214). Его мысль проясняется в другом отрывке: «Позволю себе <...> привести пример, в котором драматизм проблемы становится очевидным. Полемика о распятиях в школах <...>. Если мы больше не в силах понять и сохранить такие знаки, как крест, во всей их незаменимости, то христианство становится заменимым. <...> Поэтому христианство должно вступаться за такие публичные знаки <...>. Однако они могут существовать лишь в той мере, в какой их поддерживает общественное мнение. И в этом состоит наша задача. Если мы не убеждены сами и не способны убеждать других, у нас нет никакого права требовать публичности. И тогда и в нас больше нет никакой необходимости, и нам остается сложить оружие. Но в таком случае отсутствием в нас убежденности мы отнимаем у общества то, что от него неотъемлемо: духовные основания его человечности и его свободы. Единственная сила, с помощью которой христианство может обрести общественную значимость, есть, в конечном счете, сила его внутренней истины. Сила эта, однако, сегодня так же обязательна, как и всегда, ведь без истины человек не в состоянии выжить. Такова уверенная надежда христианства. Таков его грандиозный вызов, такова и потребность каждого из нас» (J. Ratzinger. *Orientamento cristiano nella democrazia*

pluralistica? // *Chiesa, ecumenismo e politica*. Cinisello Balsamo-Mi: Edizioni Paoline, 1987. P. 205–206).

Поскольку любое отношение с истиной непременно затрагивает свободу, вызов заключается в том, чтобы свидетельствовать о внутренней истине христианства, убедительно показывая его неотрывность от потребностей жизни. В противном случае убедить людей будет трудно. Именно по этой причине Джуссани всегда напоминал нам о трех существенных измерениях христианского благовестия: культуре, милосердной любви и миссии, понимаемых как «та сторона человеческого поступка, которая осуществляет открытость по отношению к всецелой реальности. Это то, что позволяет выйти на окончательный смысл любого человеческого предприятия. Таким образом, измерения представляют собой самые важные характеристики поступка, те, в которых измеряется (см. латинское значение глагола *dimetior*) его ценность, которые осуществляют все его возможности» (Ср. Л. Джуссани. *Путь к истине является опытом*. М.: Христианская Россия, 2006. С. 29). Мы еще вернемся к всестороннему воспитанию, развивающему эти измерения и возможному только благодаря вновь происходящей встрече, то есть исходной новизне, которая расширяет разум и усиливает привязанность, согласуя их с предложением, способным изменить человека, вплоть до порождения новой личности. В самом деле, новое творение подразумевает «современность событию, которое созидает и поддерживает его. И поскольку исток – не идея, а место, живая реальность, то новое суждение возможно только в непрерывном отношении с этой реальностью, с человеческой компанией, продолжающей во времени изначальное Событие» (L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Milano: Rizzoli, 1998. P. 75).

Каждый должен проверить, насколько эффективным образом мы действуем и в состоянии ли христианство, сведенное к рассуждениям или культуре, или этике, или ценностям, оторванным от неумалимой новизны встречи, заставить человека поменять точку зрения. В шестьдесят восьмом отец Джуссани уяснил именно это: недостаточно добротного курса антропологии, недостаточно хорошего богословия, недостаточно этики. И потому сегодня, как и тогда, обстоятельства, в которых мы живем, представляют собой невероятную возможность понять, что такое христианство. Иоанн Павел II в энциклике *Veritatis splendor* писал: «Точкой опоры в этом служении Церкви, и одновременно “секретом” ее воспитательной эффективности являются не столько доктринальные высказывания или пастырские увещания о бдительности, сколько пристальный взгляд на Господа Христа. Церковь с неутомимой любовью ежедневно обращает взор на Христа, в полной мере сознавая, что только в Нем она может найти истинное и окончательное решение нравственной проблемы. <...> Крайне необходимо вновь обрести и вновь предложить подлинный образ христианской веры, которая есть не просто совокупность суждений, требующих принятия и утверждения посредством разума. Напротив, она есть постижение Христа на опыте, живая память о Его заповедях, истина, которой следует жить» (*Veritatis splendor*, 1993. 85, 88), иначе говоря, опыт, который следует сообщать.

Если мы не дойдем до глубинного смысла этих слов, то не сможем предложить ничего подлинного и лишь будем твердить о христианстве в одной из урезанных его интерпретаций.

Кажется, нам сегодня есть еще чему поучиться у Второго Ватиканского собора и того взгляда, что он привнес в Церковь Божию. Показательно, что, когда люди вынуждены отвечать на современные вызовы, они находят тексты, обретающие ценность для всех нас. Так, многие отправили мне обращение Павла VI на последнем заседании Второго Ватиканского собора (7 декабря 1965 г.). Прочитую один отрывок из него: «Сегодня, возможно, как никогда Церковь ощутила потребность узнать окружающее общество, приблизиться к нему, понять его, проникнуть в него, служить ему, евангелизировать его, настичь его, чуть ли не пуститься за ним вдогонку в его стремительном и непрестанном изменении. Такой подход, обусловленный отдаленностью и разломами между Церковью

и светской культурой, выявившимися в последние столетия, в прошлом веке и особенно в веке нынешнем, и подсказанный главной, спасительной миссией Церкви, постоянно и глубоким образом применялся на Соборе, от чего в некоторых людях зародилось подозрение в том, что толерантный и излишний релятивизм в отношении внешнего мира, ускользающей истории, культурной моды, преходящих нужд и чуждых мыслей господствовал в умах и решениях экуменического Синода в ущерб верности традиции. <...> Верно, Церковь Собора занята не только собой и отношением, соединяющим ее с Богом, но и человеком – человеком, каким он является сегодня: человеком живым, человеком, полностью поглощенным самим собой, человеком, не только ставящим себя в центр любого интереса, но и смеющим называть себя началом и причиной всякой реальности. Человеком во всех его внешних проявлениях, со всеми его несчетными личинами; <...> человеком – трагическим героем собственных драм, человеком суперменом дня вчерашнего и сегодняшнего и потому вечно хрупким и обманчивым, эгоистичным и свирепым; человеком, недовольным собой, смеющимся и плачущим; человеком непостоянным, готовым исполнить любую роль». Иными словами, человеком не абстрактным, а конкретным – таким, каким он является перед Церковью в определенный исторический момент.

Павел VI продолжает: «Мирской, светский гуманизм предстал в своей ужасающей сути и в некотором смысле бросил Собору вызов. Религия Бога, ставшего Человеком, встретила с религией (ибо таковой она и является) человека, сделавшего себя богом. Что произошло? Столкновение, борьба, анафема? Такое могло бы случиться, но не случилось. Древняя история о самаритянине – вот парадигма духовности Собора. Его насквозь пронизывала бесконечная симпатия. Открытие человеческих потребностей (которые возрастают по мере того, как растет величие сына земли) привлекло все внимание нашего Собора. <...> Собор излил на современный мир поток любви и восхищения <...>. Учительство <...> снизошло <...> до диалога с [миром] <...>, заговорило простым и дружественным языком пастырского милосердия <...>, оно не только обратилось к умозрительному разуму, но и попыталось выразить себя в стиле обыкновенной повседневной беседы, которой отсылка к пережитому опыту и сердечное чувство придают более притягательной живости и большей силы убедительности: оно говорило с человеком настоящего, как он есть. Нам должно подчеркнуть и еще одно: все это доктринальное богатство устремилось в единственном направлении: ко служению человеку. Человеку <...> в любом его состоянии, с любыми его недостатками, с любыми его нуждами. Церковь практически объявила себя служанкой человечества» (Павел VI. *Обращение во время последнего публичного заседания Второго Ватиканского собора. 7 декабря 1965 г.*).

С тех пор прошло пятьдесят лет, но и сейчас к нам обращен настоятельный призыв Собора относиться с симпатией и любовью к конкретному человеку, вступать в диалог с кем угодно, помня, что для убедительности недостаточно повторения доктрины – необходим опыт жизни. Нам первым надлежит понять это, ведь, когда отец Джуссани начинал Движение, у него был именно такой взгляд, именно такое стремление к диалогу. Это хорошо заметно в том, как он понимал встречи «Луча»: «“Луч” – это диалог». Диалог для отца Джуссани означал не диалектику или «дискуссию», которые рождались «исключительно от удовольствия, приносимого самовыражением, от любопытства или от гордыни, желавшей утвердить себя», а «соприкосновение опыта». «Луч» – продолжал он – есть «участие в опыте говорящего и проговаривание собственного опыта». И еще: «Диалог – это сообщение собственного бытия другому бытию: сообщение собственной личной жизни другим личным жизням через знаки слов, жестов, поведения». Он не ограничивался обменом идеями, а проникал во все аспекты жизни. «Диалог, – говорил отец Джуссани – есть жизнь. Наш диалог далек от того, как его понимают приверженцы лаицизма, видящие в нем диалектику, более-менее ясное столкновение идей и менталитетов. Наш диалог – это взаимное сообщение самих себя. Акцент в нашем диалоге ставится не на идеи, а на личность как таковую, на свободу. Наш диалог есть жизнь, и идеи – лишь одна из ее составляющих» (M. Busani.

Gioventù Studentesca. Storia di un movimento cattolico dalla ricostruzione alla contestazione. Книга готовится к публикации в Италии).

Если диалог не диалектика, а сообщение опыта, то проблема заключается в том, чтобы посмотреть на опыт, приобретенный в процессе совершения проверки. Никто не сможет убедить себя, не проделав определенную проверку. Мы улавливаем истину не в спорах, не благодаря диалектике, мы понимаем ее, только когда она проявляется в нашем опыте. Мы неоднократно об этом говорили, вспоминая притчу о блудном сыне: отцу не удалось убедить его остаться дома, ему пришлось смириться с желанием сына пережить другой опыт, хотя это означало на время потерять его. Лишь так – и каждый из нас осознает это, глядя на пройденный путь, – юноша воочию убедился, что решение, которое он принял для удовлетворения желания свободы, не было адекватным, – таким образом оно прошло проверку опытом.

На вопрос отца Антонио Сикари о том, как подходить к драме человека, который «отчаивается» в наркотиках, Джуссани ответил: во-первых, необходимо «помочь ему признать, что то, в чем он искал утешения и убежища, не только несоразмерно его отчаянному вопросу о смысле и о счастье, но и препятствует ответу на него». То есть необходимо помочь ему признать реальность. Но как это сделать? «Уже тут требуется парадоксальное долготерпение. Парадоксальное, потому что поначалу нужно как бы “позволить” ему опыт, который он пережил». Поразительно! Не то чтобы нам не хотелось переубедить его, однако необходимо понять, как убедить реального человека, о котором говорит Второй Ватиканский собор. Ты либо привязываешь его к стулу – обязываешь его, что, конечно, невозможно, либо, высказав ему то, что должен, ты вынужден “позволить” ему опыт, который он намеревается пережить. Как Джуссани объясняет это? Какова конечная причина подобного поведения? Он предлагает поступать так, поскольку точно так же «Бог поступает с человеком». Настоящая причина подобного поведения кроется не в какой-то хитроумной стратегии, а в том, что Бог точно так же поступает с человеком. Он поступает так с самого начала, ибо сотворил его свободным, и Ему ничего не остается, как позволить человеку делать то, что ему заблагорассудится. В противном случае Ему пришлось бы разделаться со всеми нами после первой же ошибки. «У Бога достало терпения, чтобы сказать нам: “поступайте, как знаете”», – продолжает Джуссани. И что же сделал человек? «Вавилонскую башню» (А. Сикари. Интервью с отцом Джуссани // *Communio. Strumento internazionale per un lavoro teologico*. N. 98–99. Marzo-giugno. 1988. P. 195–196). И с тех пор он много чего еще натворил.

А мы? Мы словно хотим избавить человека от упражнения в свободе. Но невозможно избежать риска свободного выбора, и не потому, что сейчас не в моде навязывание тех или иных мыслей, а потому, что Бог создал нас свободными. И я первый желаю уважать метод Бога, мы с вами должны быть в этом первыми.

Подлинный вызов, встающий перед нами, заключается в том, как предложить нечто более привлекательное, нежели то, что люди, умаляющие важность собственных желаний, могут выбрать сами. Любое предложение, даже такое «сильное», как предложение Иисуса, задействует свободу. Об этом свидетельствует Евангелие: «Пришел Иоанн Креститель: ни хлеба не ест, ни вина не пьет; и говорите: в нем бес. Пришел Сын Человеческий: есть и пьет; и говорите: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам» (Лк. 7, 33–34).

В этом коротком евангельском отрывке полностью описан метод Бога. Оказываясь перед тем или иным предложением, мы тоже можем решить, следовать за ним или истолковывать его на свой лад. Так происходит, и когда мы размышляем, куда нам двигаться дальше. В самом деле, отец Джуссани говорил: «Существует два основополагающих правила для того, чтобы переживать харизму в послушании, благодаря которому она становится движением, способным сообщать память о Христе и свидетельствовать о Нем. Прежде всего, единство как реальная и определяющая отсылка к исходной точке. Без реальной

и определяющей отсылки к точке, в которой порождается харизма, не остается места послушанию, и все сводится к великому мирскому, а не христианскому принципу – интерпретации; всегда приходится выбирать между двумя этими путями: или послушание, или интерпретация. В послушании ты утверждаешь что-то встреченное, что-то, превосходящее тебя, от чего все больше ожидаешь твоего спасения, истины и способности любить. Интерпретируя же, ты лишь утверждаешь самого себя, твою меру, то есть твою ограниченность и твои недостатки. В послушании человек расцветает перед лицом превосходящего его присутствия; интерпретация стремится сравнить даже самое щедрое и великое, самое благородное и богатое присутствие с тем, что может вместить наш разум, с тем, что нам кажется и нравится. В последнем случае путь прерывается, и остаются лишь дискуссии, самонадеянность и разделение. Вторая характеристика <...> – это свобода. Свобода есть личная ответственность, исполненная разумности и сердца и прилепляющаяся к факту, предложившему себя нам, прилепляющаяся к великому присутствию. Свобода есть способность признавать дар, открытость дару признания и любви к великому присутствию. Это способность отказаться от нашей собственной спорной меры» (*Occorre soffrire perché la verità non si cristallizzi in dottrina ma nasca dalla carne. Esercizi Spirituali della Fraternità di Comunione e Liberazione. Pro manuscripto. Rimini, 1989. P. 48–49*).

Если мы пытаемся следовать за харизмой, то поступим мудро, прислушавшись к совету кардинала Сколы: «Для всех целесообразно было бы избегать губительного искушения, часто возникавшего в истории Церкви, религиозных орденов и различных харизм. Не следует искать в необходимом и непрестанном отождествлении себя с опытом и мыслью основателя подтверждение собственной интерпретации, которая порой вполне чистосердечно воспринимается как единственно верная. Подобная позиция приводит к нескончаемой диалектике и парализующим конфликтам интерпретаций» (*Проповедь во время мессы по случаю XI годовщины смерти слуги Божия монс. Луиджи Джуссани. Миланский кафедральный собор, 16 февраля 2016 г.*).

Это означает, что принадлежность каждого из нас не будет формальной, только если мы готовы проверить на опыте то, что нам предлагается, ведь именно в опыте, а не в наших головах, не в наших спорах реальность становится прозрачной. Будь в нас готовность следовать за опытным методом, которого всегда придерживался отец Джуссани, мы бы избежали множества бесполезных дискуссий. Нет смысла вынуждать людей совершать те или иные действия, если они не проходят в полной свободе через такую проверку, потому что человек растет над собой, когда живет.

Джуссани прекрасно понимал, в какой ситуации мы находимся, и потому говорил, что «в обществе, подобном нашему, что-либо новое можно сотворить только с помощью жизни: никакие структуры, организации или инициативы для этого не годятся. Лишь жизнь, иная и новая, способна в корне изменить структуры, отношения, в общем, все» (*Movimento, “regola” di libertà / A cura di O. Grassi // Litterae communionis–CL. Novembre. 1978. P. 44*). Мы убеждаемся в этом всякий раз, когда рассказываем друг другу о произошедших с нами событиях и встречах.

Утверждая это, он осознавал, какое влияние власть оказывает на общество, и ему было хорошо известно, от чего стоит отталкиваться в попытке дать сообразный ответ. Поэтому, когда Роби Ронца спросил его о причинах «отсутствия заметной культурной мобилизации вокруг только что описанных проблем», он ответил: «Подобная задача может стоять перед отдельными учеными и представителями культуры, она совершенно не обязательно должна касаться столь значительного общественного субъекта, каким стало в Италии “Народное движение”. Такое явление как “Народное движение” (*Movimento popolare* – политическое объединение, основанное в 1975 г. некоторыми членами «Общения и освобождения») должно скорее не вовлекать людей в громкие обсуждения возможных путей изменения, а активно способствовать созданию условий, в которых изменения могли бы начаться. Культурная мобилизация, спровоцированная влиятельными субъектами

общества, в конечном итоге вызывают тревогу и провоцируют в структуре существующего правопорядка реакции, зачастую гораздо более сильные, нежели осознание и желание действовать, которые, напротив, возникают за пределами той же самой структуры правопорядка. В результате они препятствуют изменениям» (*Il movimento di Comunione e Liberazione. 1954–1986. Op. cit. P. 218–219*).

Это вовсе не означает, что нужно перестать быть присутствием, важным в культурном и практическом плане, в конкретных сферах человеческой жизни. Никто больше отца Джуссани не настаивал на необходимости присутствия в окружающей нас среде, а «среда – там_ где есть открытый мир: в школе, на работе, на улице» (*L'io rinasce in un incontro. 1986–1987. Op. cit. P. 85*). Следовательно, мы должны не сдавать позиции, а являть подлинное присутствие, все более истинным и соответствующим контексту образом. Поэтому необходимо помогать друг другу понять, что от нас требуется в настоящий исторический момент и как этого достичь.

ЗАКОН ГРАЖДАНСКИЙ И ЗАКОН ПРАВСТВЕННЫЙ

Одним из наиболее серьезных препятствий на пути к пониманию стало то, что в наших обсуждениях законопроекта Моники Чиринна мы смешали гражданский закон с законом нравственным. Несколько поправить ситуацию можно, если прояснить, по крайней мере в общих чертах, суть отношений между Церковью и политикой. В этом вопросе, как говорит Ратцингер, «основополагающим остается утверждение Христа: “Отдавайте Божие Богу, а кесарево кесарю” (ср. *Мф.* 22, 21). Оно обозначило поворотный момент в истории отношений между политикой и религией. До тех пор господствовала аксиома, согласно которой политик считался священной фигурой [политик и религия были одним целым] <...>. Прочитанное утверждение Иисуса пресекло подобное отождествление притязаний, выдвигаемых государством по отношению к людям, и священных требований, предъявляемых миру Божественной волей. Таким образом ставилась под вопрос античная идея государства, и по понятным причинам античное государство углядело в отрицании его тотальности посягательство на самые основания его существования, посягательство, за которое оно наказывало смертью. Если утверждение Иисуса было верным, то римское государство и правда не имело шансов на выживание. В то же время, однако, необходимо также утверждать, что именно это разделение государственного и священного авторитетов и стоящий за ним новый дуализм представляют собой начало и твердый фундамент западной идеи свободы. С тех пор существуют два сообщества с соответственным устройством, но не идентичных, из которых ни одно не обладает всеохватным характером», благодаря чему и образуется пространство для свободы. «Так каждое из этих двух сообществ ограничено своим радиусом действия, а свобода основывается на равновесии в соответственной их упорядоченности <...>. В Средневековье и на заре Нового времени государство и Церковь на практике нередко сливались воедино, что приводило к искажению потребности в истине веры, придавая исходным устремлениям вынужденный и карикатурный характер <...>. Дуализм Церкви и государства <...> есть основополагающее условие свободы» (J. Ratzinger. *La vita di Dio per gli uomini. Scritti per Communio*. N. 208–210. Luglio-dicembre 2006. Milano: Jaca Book, 2006. P. 212–213).

Итак, подобный дуализм делает возможной свободу, что впоследствии сказывается на законах. Уже святой Августин подчеркивал разницу между гражданскими законами государства и законом божественным. Согласно ему, совершенно ясно, что «закон, созданный ради управления государством, допускает и оставляет безнаказанными многие действия, которые осуждаются законом божественным <...>; отсюда не следует, что, поскольку [гражданский закон] не делает всего, нужно порицать и то, что он делает» (Ср. Августин Аврелий. *О свободе воли*. I, 5, 13). Иными словами, пишет отец Нелло Чиприани, гражданский закон, хотя и должен вдохновляться вечным законом Божиим, не обязательно полностью с ним совпадает, осуждая и наказывая все то, что противно воле Божией» (N. Cipriani. *Il ruolo della Chiesa nella società civile: la tradizione patristica* // AA.VV.

I cattolici e la società pluralista. Il caso delle "leggi imperfette" / A cura di J. Joblin, R. Tremblay. Bologna: Ed. Studio Domenicano, 1996. P. 144).

Святой Фома Аквинский, комментируя приведенный отрывок из труда святого Августина, писал: «Человеческий закон не может карать и запрещать все [без исключения] злые дела, поскольку, по словам Августина, стремление к отказу от всяческого зла повлекло бы за собой отказ и от многих добрых дел, что препятствовало бы развитию необходимого для человеческого общения общественного блага. Поэтому для того, чтобы никакое зло не могло остаться незапрещенным и безнаказанным, возникла необходимость в божественном законе, посредством которого запрещаются все грехи (Фома Аквинский. *Сумма теологии*. Ч. II-I. Вопрос 91, раздел 4. Пер. С. И. Еремеева). Гражданский закон обладает властью принуждения, какой нет у закона нравственного. Поэтому в обществе, где действует принцип двух сообществ, лежащий у истоков свободы, нельзя насадить закон, если он не был выработан согласно принципу гражданского общества, который предполагает формирование убеждения прежде всего в практической жизни, а затем и в демократической системе правления, в парламентских дебатах между выборными представителями народа.

Это верно не только сегодня, о чем напоминает кардинал Жорж Котье: «Первые христианские законодатели <...> не стали сразу же упразднить римские законы, допускавшие те или иные практики, не соответствовавшие <...> [церковной морали, поскольку] Церковь никогда не разделяла и считала опасным заблуждение о том, будто можно в юридическом порядке полностью искоренить зло из истории» (ср. M. Borghesi. *Critica della teologia politica. Da Agostino a Peterson: la fine dell'era costantiniana*. Genova: Marietti, 2013. P. 302–303).

Поэтому, пишет отец Антонио Спадаро, избегая «уравнения религии и политики папа Франциск «постулирует завершение константиновой эпохи, в корне отказываясь от идеи осуществления царства Божия на земле» (*La diplomazia di Francesco. La misericordia come processo politico // La civiltà cattolica*. I, 209–226/13. Febbraio. 2016. P. 215, 218). Те времена прошли. Не устояли даже законы, порожденные Французской революцией и все еще сохранявшие христианский дух. В нынешней ситуации открывается, насколько это возможно, пространство для инициатив. Мы не должны сидеть сложа руки. Вопрос в том, что именно делать, чтобы привлечь, убедить, воодушевить верой и достучаться до человеческой свободы.

Открывается поле деятельности и для политиков. С этой точки зрения крайне интересны слова Ратцингера, сказанные еще в 1981 году: «Государство не представляет собой полноту человеческого существования [в силу того разделения, о котором мы говорили ранее] и не охватывает всей человеческой надежды. Человек и его надежда преодолевают рамки государства и сферы политического действия. <...> Это облегчает бремя политических деятелей и прокладывает им дорогу к рациональной политике [облегчает бремя, поскольку таким образом не все зависит от того, удастся ли политикам предложить законы, удовлетворяющие каждого человека, – у политики и нет такой цели] <...> Следовательно, служба, которую вера может сослужить политике, прежде всего состоит в освобождении человека от иррациональности политических мифов – настоящего риска наших времен. Всегда было сложно трезво смотреть на вещи и осуществлять возможное; голос разума не столь громок, как иррациональный крик. В крике, отстаивающем великое, непременно есть отзвук морализма; напротив, ограничение себя возможным кажется отказом от нравственного рвения, жалким прагматизмом [для многих это и есть релятивизм, уступка, сдача позиций]. Однако в действительности политическая мораль состоит как раз таки в том, чтобы не прельщаться громкими словами, с помощью которых можно играть человечностью людей и ее способностями. Приключенческий морализм, стремящийся реализовать собственными усилиями Божии дела, не есть мораль. Мораль же – это лояльное принятие человеческой меры и совершение в рамках этой меры человеческих

дел. Не отсутствие какого бы то ни было компромисса, а сам компромисс есть подлинная мораль политической деятельности» (*Chiesa, ecumenismo e politica*. Op. cit. P. 142–144).

В свете этих слов каждый пусть оценит реакцию – собственную и окружающих – на недавние события. Возможно, позиция, на которую Ратцингер указывал политикам, покажется нам малодушной, недостаточно нравственной? Мы столкнулись с этим, когда пытались разобраться в законопроекте Чиринна. Перечитаем мысль, выдвинутую Конгрегацией доктрины веры в 2003 году: «В случае перспективы юридического признания однополых союзов или же их приравнивания к браку необходимо этому противостоять» (*Замечания по поводу законопроектов, направленных на признание однополых союзов*. 3 июня 2003 г. П. 5). Это было в 2003-м. А в 2007-м все безоговорочно воспротивились обоим проектам. Сегодня же люди готовы согласиться на признание гражданских прав однополых пар, только бы такие союзы не приравнивались к браку, а партнерам не разрешали бы усыновлять детей. Это ли малодушная позиция? Поддается ли Церковь релятивизму, когда утверждает, что изъятие из законопроекта о гражданских союзах пункта об усыновлении есть «верная гипотеза» и, следовательно, приемлемый результат, который только и можно было получить с реалистической точки зрения? Все сказанное совершенно не означает, как некоторые полагают, перемен в церковной морали. Вот суть проблемы: чтобы вновь утвердить ценность брака, нельзя прибегать к принудительным мерам, регулируемым гражданским законом. Именно это и защищала Церковь: свидетельство о красоте семьи.

Документ, изданный Конгрегацией доктрины веры, напоминает: «Как учил Иоанн Павел II в энциклике *Evangelium vitae*, говоря о случаях, в которых не представляется возможным полностью упразднить уже существующий закон о прерывании беременности или отвергнуть законопроект, вынесенный на голосование, “парламентарий, чье абсолютное личное противостояние прерыванию беременности явно и всем известно, поступит правильно, поддержав предложения, цель которых – ограничить вред подобного закона и уменьшить его отрицательные последствия в сфере культуры и общественной нравственности”» (*Доктринальная нота, касающаяся некоторых вопросов участия католиков в политической жизни*. 2002. П. 4). Ограничить вред! Это релятивизм? Далее в энциклике говорится: «Поступая так, он не соучаствует недозволенным образом в принятии несправедливого закона, а наоборот, предпринимает правильную и достойную попытку ограничить его вредные аспекты» (*Evangelium vitae*. 1995. П. 73).

Повторю то, что я сказал в самом начале: сложившиеся обстоятельства могут помочь нам понять, какова наша задача в мире. Конечно, нам не удастся помешать распространению менталитета, враждебного по отношению к ценностям, принесенным Христом, а также умножению неудовлетворительных для нас законов, однако никто не в силах запретить нам использовать все пространство существования, чтобы свидетельствовать о красоте христианской жизни во всем богатстве ее культурных и практических последствий, являя тем самым опыт настолько удивительный, что он способен пробудить интерес в тех, с кем мы встречаемся. Именно по этой причине отец Джуссани настойчиво передавал нам христианство как жизнь, как жизнь, притягательную для все и каждого. В том же ключе размышляет и папа Франциск: «Христиане обязаны провозглашать его [христианство], не исключая никого, но не навязывая новую обязанность, а скорее, делясь радостью, указывая на прекрасный горизонт, предлагая желанную трапезу. Церковь возрастает благодаря не прозелитизму, а “привлекательности”» (*Evangelii gaudium*. 2013. П. 14).